

б. 1904

691

Достоевский в африканской теплице

Рус. Кутзее — от — 5 аб — с 9

Константин КЕДРОВ

В Швеции стартовала очередная «нобелевская неделя». А у нас охотно издают и читают последнего лауреата Нобелевской премии в области литературы Джозефа Максвелла Кутзее. Особым успехом пользуются у читателей два его романа — «Бесчестье» и «Осень в Петербурге» (The Master of Petersburg).

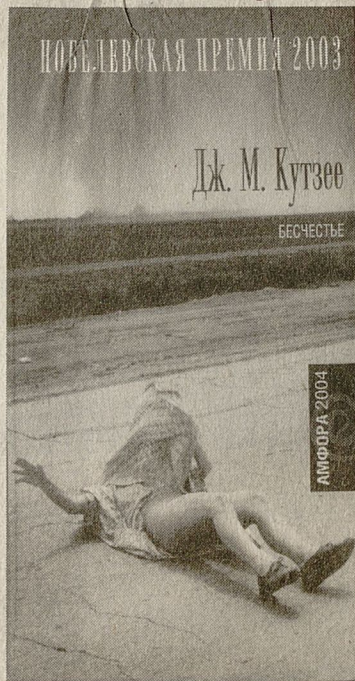
Прочитав нобелированный роман Кутзее, я окончательно понял, что Достоевский уже и не писатель вовсе, а генетический код мировой литературы. Без него она не только развиваться не сможет, но вообще не сможет существовать.

«Осень в Петербурге» можно считать гениальным учебным пособием для старшеклассников и студентов по творчеству великого петербуржца, по русской литературе, по русской истории, по истории терроризма,

по... Нет, тут надо остановиться и вспомнить, что роман Умберто Эко «Имя розы» тоже, в сущности говоря, пособие по культурологии М. Бахтина. А ежели присовокупить сюда «Пейзаж, нарисованный чаем», Павича, где действие происходит в Югославии и России одновременно, то придется признать в каждом русском симптоме мании величия. А что еще остается делать, если Россия, несмотря на все свои потрясения, остается литературной Меккой для современных писателей?

Может быть, только Мишель Уэльбек чувствует себя автономным европейцем и наведывается в Россию только географически.

Роман Кутзее канонически постмодернистский. Автор прилежно воспроизвел стилистику ключевых тем и сцен Достоевского. Тут и Раскольников — Павел, и свидригайловская девочка, которая соблазняет отца, и сына, и святого духа. И любимый закадровый герой Достоевского, родо-

начальник мирового терроризма Нечаев.

Достоевский приезжает из Дрездена в Петербург поклониться могиле своего пасынка, убитого не то друзьями-нечаевцами, не то самой полицией. Останавливаясь на квартире названного сына, он невольно оказывается вовлеченным в его так внезапно оборвавшуюся жизнь. Он соблазняет или оказывается соблазненным матерью и дочерью. Он вовлечен в компанию террористов, и уже никогда ему не выпутаться из дьявольского клубка. Никогда не вернуться в Дрезден. Россия — родина дьявола, и Петербург — его столица.

Собственно говоря, не совсем понятно, кто именно дьявол: Нечаев, девочка Матрена, а, может, и сам Федор Михайлович. Он настолько вжился в судьбу приемного сына, что невольно повторяет шаг за шагом все его преступления.

Хотя роман по Достоевскому, тут еще тургеневская проблема

отцов и детей просвечивает до рези в глазах. Бунт сына Павла против отца Федора Михайловича после гибели сына перерастает в бунт самого Федора Михайловича. Вы уже запутались в переплетении достоевских имен? Значит, мне удалось передать дух кутзеевского романа.

Но все дело в тонкостях. Федор Михайлович на кладбище идет к могиле пасынка и вдруг обещает себе никогда не ставить на этот номер. Это его взгляд упал на осиновыя колышки с номерами могил. И тут же другая тонкость. Упав на колени и уткнувшись в землю лицом, он поднимается с сырой землей в бороде и усах. Если учесть при этом, что Кутзее живет в Южной Африке, где сырой земли, скорее всего, днем с огнем не сыщешь, становится понятно, насколько он проникся духом осеннего, ноябрьского Петербурга, когда ни снега, ни зелени. Только глинистая могильная почва. Не та ли самая, о которой так любил рассуждать

Достоевский-почвенник? Это он сам придумал, почвенничество, и снабдил его лозунгом: «Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве».

Из этого выкрика Достоевского выросло трагическое народничество и прочая дурь, пожравшая своей почвой всю русскую интеллигенцию.

На родной ниве до туберкулеза надрылся Чехов со своими аптечками-библиотечками и школами. По следам каторжных конвоев вслед за Сонечкой с Раскольниковым и Карамазовым с Грушенькой прочесал на телеге аж до Сахалина и окончательно надорвался. Так что уже и Ялта не спасла. Если бы наши скинхеды читали книги, Кутзее очень бы их оздоровил. Ведь дальше идей Нечаева мировой терроризм не сдвинулся. У того все прописано. А Кутзее всю нечаевскую демагогию на диалоги расписал. Хотя зачем, если до него это блестяще сделал Юрий Карякин в своих книгах о Достоевском? Может,

Кутзее Карякина не читал? Сомневаюсь. Профессор литературы, увлеченный Достоевским, вполне сознательно популяризировал карякинские идеи так же, как Умберто Эко в романе «Имя розы» Бахтина. Да и труды Игоря Волгина, где ведется параллельная хронология дня Достоевского и того же дня террориста, бросившего бомбу, Кутзее знает. Словом, все чаще наша невостребованная литература и еще более невостребованное в отечестве литературоведение становятся подкормкой для взращивания новых нобелей. Похоже, что Россия, несмотря на суровый климат, стала оранжереей нобелевских лауреатов у нас и за рубежом.

Царь Алексей Михайлович выращивал в Измайлове сладкие дыни и янтарный виноград. Николай II, Александр II и Александр III вырастили в сибирских «оранжереях» Достоевского. А в благоприятных теплых условиях Южной Африки на почве Достоевского возрос Кутзее.

Кутзее
Достоевский
Максвелл